Прокофьев Р.В.

СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ «ПОЛНОЕ» НА НИЖНЕМ ДОНУ. ВОПРОСЫ ПЛАНИРОВКИ

Поселение расположено в 20 км к западу от райцентра г. Миллерово Ростовской области у подножия высоких меловых холмов коренного правого берега р. Полная, у одной из ее многочисленных излучин. Река Полная входит в речную систему Северского Донца, являясь левым притоком р. Деркул (левый приток Северского Донца). За четыре полевых сезона (2001–2004 гг.) на поселении было исследовано более 1100 м² площади, содержащей остатки 5 углубленных жилищ и 20 хозяйственных ям. Находки представлены славянской лепной кухонной керамикой боршевского облика, а также местной и импортной гончарной посудой, характерной для салтово-маяцкой культуры. Поселение датируется первой половиной IX в.[1]

Структура памятника

Интересна структура поселения. Оно состоит из двух различных по величине площадок, разделенных водоточной балкой Богучаровской (Рис. 1). Большая часть поселения расположена по левому борту балки на обширной прямоугольной площадке первой надпойменной террасы, вытянутой вдоль берега р. Полная. Шурфовочные работы на восточной площадке показали отсутствие здесь культурного слоя и выявили одну слабо углубленную в материк округлую хозяйственную яму, лишенную находок. В распашке при этом была собрана достаточно представительная коллекция подъемного материала. Западная часть поселения значительно уступает в размерах восточной. Она располагается на треугольном конусе выноса правого борта балки, с севера прижатого к подножию высоких холмов коренного берега Полной, а к юго-западу плавным понижением переходящем в широкую пойму. Основной объем раскопочных работ был проведен на западной площадке поселения.

Такое разделение территории поселения на две площадки отражает не только и не столько топографические особенности местности, сколько характеризует две различные этнические и хозяйственные его составляющие. Восточная площадка по своей топографии и характеру культурных остатков является типичным кочевьем (сезонным стойбищем) салтово-маяцкой культуры со слабо выраженным культурным слоем [2]. Такие памятники широко известны в Подонцовье, на Нижнем Дону и в Приазовье [3]. Этот регион выступает преимущественно как район кочевого или полукочевого хозяйства с отдельными

---

[1] *Прокофьев Р.В.* Алано-славянское поселение «Полное» в бассейне Северского Донца. // IV Донские археологические чтения «Нижний Дон – этнические контакты». Ростов н/Д, 2002.; *Он же* Поселение IX в. на левобережье Северского Донца и вопрос о проникновении славян в Нижнее Подонье. // Средневековые древности Дона (в печати).

[2] *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, С.66.

[3] *Там же; Ларенок П.А.* Салтово-маяцкие памятники балки Клиновой. // Аксайские древности. Ростов н/Д, 2002, С.248; *Красильников К.И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья. // СА, 1981, №4, С.111–113.

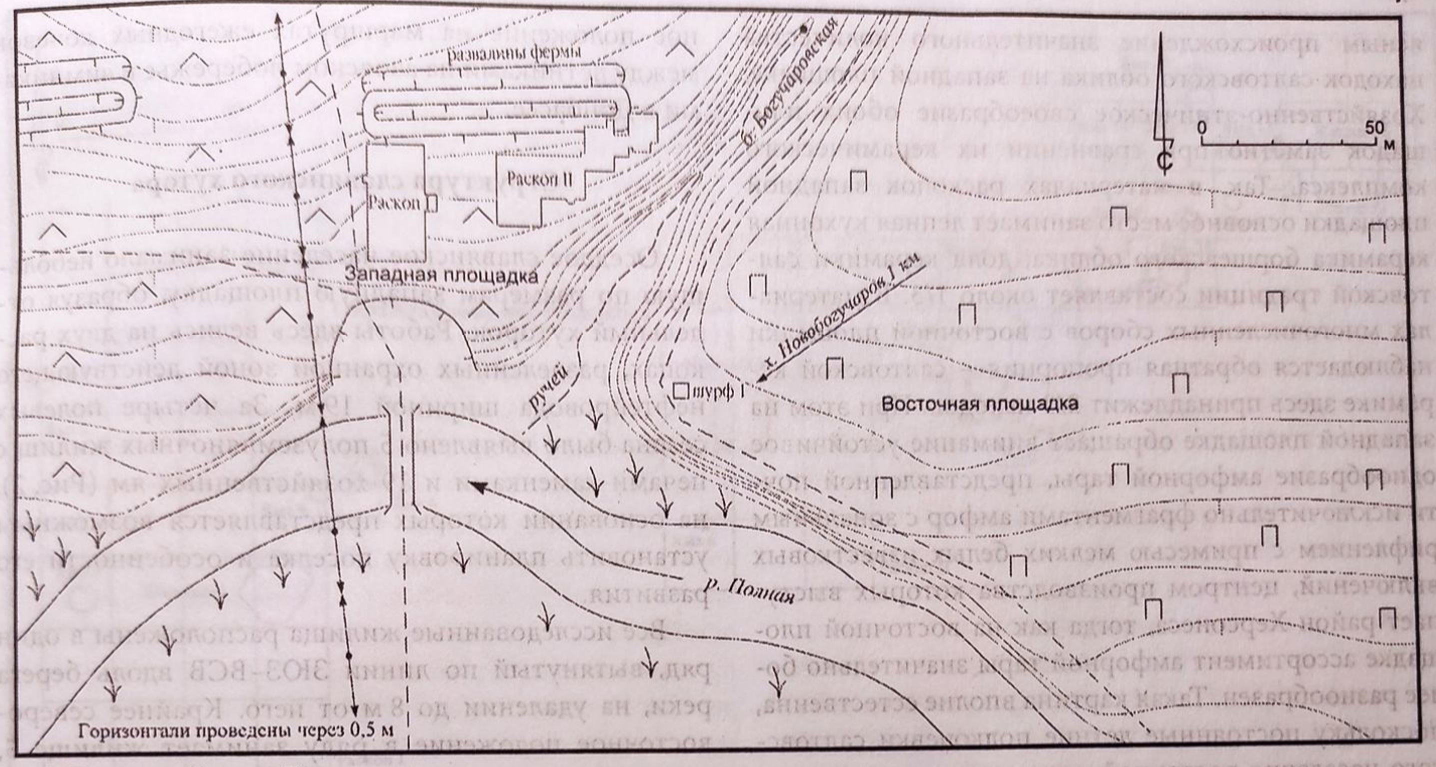

Рис. 1. Поселение Полное. План памятника

элементами оседлости [4]. Система ежегодных перекочевок салтовского населения реконструируется как меридиональная по долинам рек [5]. При этом исследователи по-разному определяют места расположения зимников. Одни помещают их в приморской зоне [6], другие – в среднем и верхнем течении рек [7]. По нашему мнению, второй вариант серьезнее обоснован археологически и более соответствует климатическим условиям Нижнего Дона.

Практически идентичную топографическую картину мы наблюдаем на поселении у с. Новолимаревка на Среднедонечье. Это поселение на берегу р. Деркул также разделено оврагом на две разновеликие части. Большая из них является остатками кочевья, меньшая – оседлого поселения [8], в жилищах которого, правда в небольшом количестве, встречены печи славянского типа [9]. В такой двучастной системе автором раскопок видится простой результат постепенного разрастания памятника вследствие увеличения численности населения [10]. Рассматривая материалы кочевий и оседлых поселений Подонцовья, С.А. Плетнева пришла к заключению, что нет археологических оснований считать кочевья более ранними. Оба типа поселений исследовательница склонна считать синхронными [11].

Обе площадки поселения «Полное» (салтовское кочевье и оседлый славянский поселок) мы считаем также синхронными. Иначе становится не-

---

[4] *Красильников К.И.* Указ. соч.; *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М., 2000, С. 117–119; *Аксенов В.С., Тортика А.А.* Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк, 2001, С. 199.

[5] *Аксенов В.С., Тортика А.А.* Указ. соч.; *Ларенок П.А.* Северо-Восточное Приазовье и дельта р. Дон в VIII–X вв. // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тезисы докладов VII Донской археологической конференции). Ростов-на-Дону, 1998, С. 130.

[6] *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М., 2000, С.75; *Аксенов В.С., Тортика А.А.* Указ. соч., С. 196–199.

[7] *Красильников К.И.* Указ. соч., С.111; *Ларенок П.А.* Северо-Восточное Приазовье…, С. 130.

[8] *Красильников К.И.* Указ. соч., Рис.5 на с.117, С.114–115;

[9] *Красильников К.И.* Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья в VIII – нач. X в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк, 2001, С. 305.

[10] *Красильников К.И.* Возникновение…, С. 119.

[11] *Плетнева С.А.* Очерки…, С. 74–75.

ясным происхождение значительного количества находок салтовского облика на западной площадке. Хозяйственно-этническое своеобразие обоих площадок заметно при сравнении их керамического комплекса. Так, в материалах раскопок западной площадки основное место занимает лепная кухонная керамика боршевского облика, доля керамики салтовской традиции составляет около 1/3. В материалах многочисленных сборов с восточной площадки наблюдается обратная пропорция – салтовской керамике здесь принадлежит 2/3 находок. При этом на западной площадке обращает внимание устойчивое однообразие амфорной тары, представленной почти исключительно фрагментами амфор с зональным рифлением с примесью мелких белых известковых включений, центром производства которых выступает район Херсонеса, тогда как на восточной площадке ассортимент амфорной тары значительно более разнообразен. Такая картина вполне естественна, поскольку постоянные летние подкочевки салтовского населения восточной площадки в приморскую зону обеспечивали большее разнообразие амфорной тары. Оседлое же славянское население получало ее уже при посредничестве кочевников.

Таким образом, восточную площадку поселения «Полное» мы считаем местом сезонной весенне-осенней подкочевки салтовского населения, появление которого здесь обусловлено существованием оседлого славянского хуторка на западной площадке. Кочевое население было заинтересовано в существовании в степи оседлого земледельческого населения, которое являлось его существенной опорой, что для эпохи средневековья отмечается многими авторами[12]. Этнографическими исследованиями установлено, что при сезонном характере передвижения для кочевников важно было иметь постоянные «базы», обеспечивающие кормом и отдыхом скот в наиболее тяжелый весенний и осенний периоды [13]. В качестве таковой в полной мере подходит небольшой славянский хуторок Полное, имеющий удобные топографические условия (наличие обширной ровной площадки, защищенность холмами от ветра, близость воды) и географически занимающий как раз промежуточное положение на маршрутах ежегодных кочевок между летниками на азовском побережье и зимниками в Донбассе.

Структура славянского хутора

Оседлое славянское население занимало небольшую по размерам западную площадку, образуя отдельный хуторок. Работы здесь велись на двух раскопах, разделенных охранной зоной действующего нефтепровода шириной 19 м. За четыре полевых сезона было выявлено 5 полуземляночных жилищ с печами-каменками и 19 хозяйственных ям (Рис. 2), на основании которых представляется возможным установить планировку поселка и особенности его развития.

Все исследованные жилища расположены в один ряд, вытянутый по линии ЗЮЗ–ВСВ вдоль берега реки, на удалении до 8 м от него. Крайнее северо-восточное положение в ряду занимает жилище 5, устроенное на самом краю площадки у борта балки. Следующее жилище – жилище 3 – расположено в 15 м от него. Пространство между этим жилищами занимает участок компактно расположенных зерновых ям колоколовидной формы (ямы 10–15 и 17–20). Остальные исследованные на поселении хозяйственные ямы групп не составляют и рассредоточены по площади раскопов. На удалении 4 м от жилища 3 расположено жилище 4. Расстояние между ним и следующим жилищем 2 составляет 6 м. Крайним юго-западным является жилище 1, расположенное в 24 м от жилища 2. Далее к западу от него на протяжении как минимум 11 м на раскопанной площади жилища не встречены. Кроме того, этот участок (Раскоп I) характеризуется очень слабой насыщенностью находками (менее 1 фрагмента керамики на 1м²), что свидетельствует о его окраинном характере. Севернее отмеченного ряда, за пределами раскопанной площади, нахождение новых жилищ также маловероятно. Это связано, во-первых, со слабой насыщенностью находками северной части обоих раскопов и, во-вторых, с характером рельефа западной площадки, который заметно и достаточно резко по-

[12] См. напр.: *Петрухин В.Я.* Послесловие. // *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М., 2000, С.224; *Козловский А.А.* Этнический состав оседлого населения Южного Поднепровья в IX–XIV вв. // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985, С.69–70; *Козловский А.А.* Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX–XIV ст. Київ, 1990. С. 164–165.

[13] *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. М., 1972; *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX в. Алма-Ата, 1971.

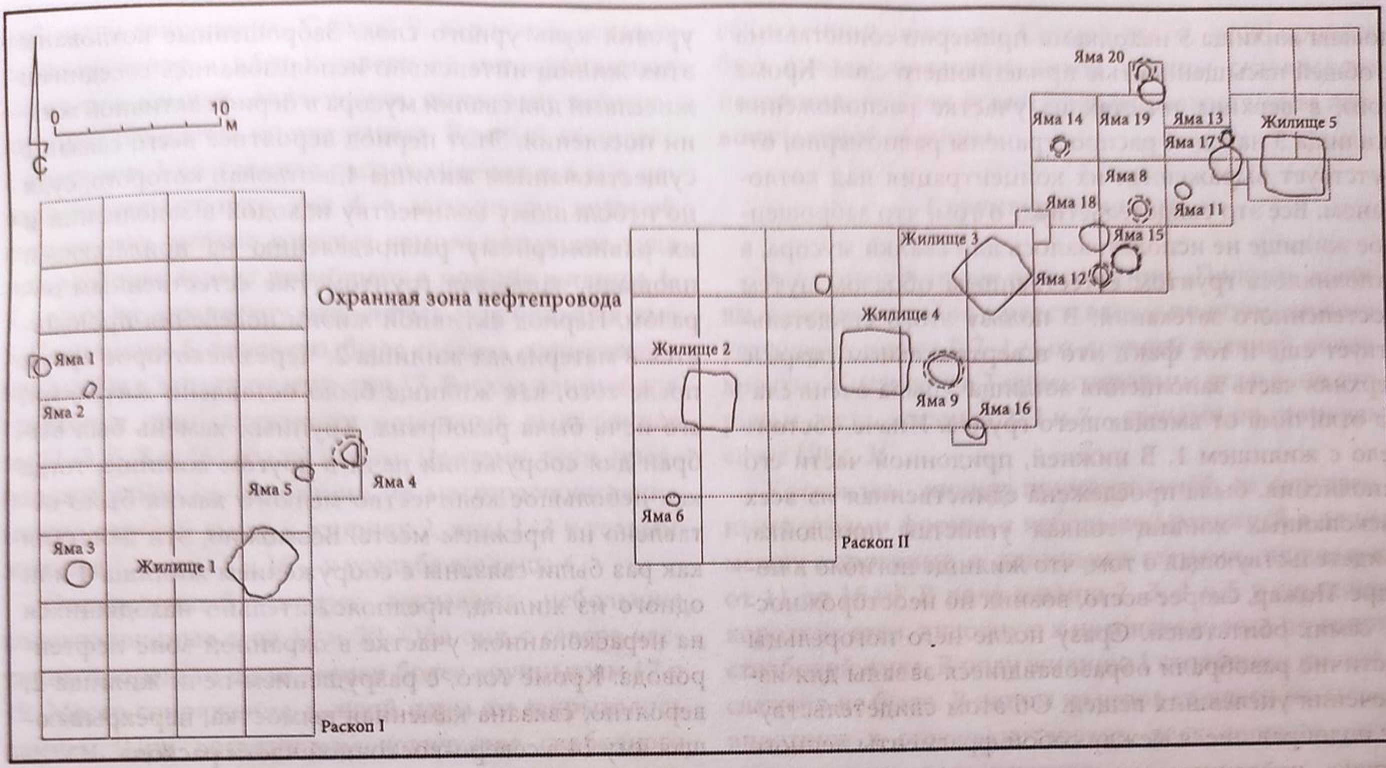

Рис. 2. Поселение Полное. План раскопов.

вышается как раз вблизи северного борта раскопов. Учитывая средний интервал между жилищами, можно предположить, что на недоступном для исследований участке охранной зоны нефтепровода между раскопами I и II находилось еще два жилища. Таким образом, общее число жилищ на западной площадке могло достигать семи.

Планиграфия исследованных сооружений позволяет сделать вывод о том, что застройка поселения осуществлялась не хаотично, а по определенному плану. Обозначим его основные моменты:

1. Система застройки поселения не в последнюю очередь зависела от особенностей рельефа площадки.

2. Характерной является планировка жилищ рядами.

3. На поселении был отведен специальный участок для устройства зерновых ям, ограниченный берегом реки и бортом балки.

Однако из существования единого плана застройки вовсе не следует, что все жилища функционировали одновременно. Каких-либо признаков их насильственной гибели прослежено не было. В заполнении не встречено предметов, свидетельствующих о поспешном оставлении жилищ. Основная масса находок представлена разрозненными фрагментами отдельных сосудов, не составляющих развалов, т.е. обычным бытовым мусором. Все исследованные жилища прекращают свое существование в силу разного рода естественных причин. Случаев прямой стратиграфии отдельных жилищ нами зафиксировано не было. Поэтому приходится обратиться к косвенным данным.

Судя по примерно одинаковой степени прокала пода печей во всех жилищах, период их функционирования был одинаков. Значит, установив последовательность прекращения существования жилищ, возможно определить и относительную хронологию их бытования.

В составе находок из заполнения жилищ, прежде всего, обращает на себя внимание различное соотношение салтовской и славянской керамики. В жилищах 1 и 5 это соотношение близко с общими показателями по всем раскопам (раскопы – 38 %: 62 %, жилище 1–32 %: 68 %, жилище 5–35 %: 65 %). Т.е. керамический комплекс из заполнения этих жилищ соответствует керамическому комплексу поселения за все время его существования, из чего следует, что жилища 1 и 5 были заброшены на позднем этапе жизни поселения. Об этом же свидетельствует стратиграфическая невыраженность культурного слоя и довольно слабая насыщенность находками на участках возле этих жилищ.

Обстоятельства прекращения функционирования жилищ 1 и 5 были различны. Насыщенность кот-

лована жилища 5 находками примерно сопоставима с общей насыщенностью прилегающего слоя. Кроме того, в верхних пластах на участке расположения жилища 5 находки распространены равномерно, отсутствует выраженная их концентрация над котлованом. Все это свидетельствует о том, что заброшенное жилище не использовалось для свалки мусора, а заполнялось грунтом естественным образом путем постепенного затекания. В пользу этого свидетельствует еще и тот факт, что в вертикальном разрезе верхняя часть заполнения жилища 5 была очень слабо отличима от вмещающего грунта. Иначе обстоит дело с жилищем 1. В нижней, придонной части его заполнения, была прослежена единственная из всех раскопанных жилищ тонкая углистая прослойка, свидетельствующая о том, что жилище погибло в пожаре. Пожар, скорее всего, возник по неосторожности самих обитателей. Сразу после него погорельцы частично разобрали образовавшиеся завалы для извлечения уцелевших вещей. Об этом свидетельствуют подобравшиеся между собой фрагменты лепного горшка, найденные под развалом камней печи и в заполнении котлована жилища, а также мелкие обгорелые камни, найденные на прилегающей к жилищу территории. При этом разбитая утварь из жилища частично осталась в котловане, а частично разбрасывалась на прилегающей территории, что привело к высокой концентрации находок на участке к северу от жилища. После этого жилище 1 не восстанавливалось, а его котлован естественным путем заполнялся грунтом. В вертикальном разрезе верхняя часть заполнения здесь также слабо отличима от вмещающих слоев, как и в случае с жилищем 5.

По соотношению салтовской и славянской керамики в заполнении от жилищ 1 и 5 заметно отличаются жилища 2, 3 и 4, в которых доля славянской керамики значительно выше, причем жилище 4 занимает промежуточное положение между жилищами 1 и 5 с одной стороны, и жилищами 2 и 3 с другой (жилище 2–18 %:82 %, жилище 3–12 %:88 %, жилище 4–27 %:73 %). Значит, эти жилища относятся к раннему этапу жизни поселения, когда контакты с салтовским населением восточной площадки были еще не налажены в полной мере. При этом жилище 4 прекращает свое существование несколько позднее жилищ 2 и 3, но, возможно, ранее жилищ 1 и 5.

Жилища 2 и 3 характеризуются высокой степенью концентрации находок в их заполнении и на прилегающей территории. Причем контуры жилища 3 по плотности находок угадываются еще с верхнего уровня культурного слоя. Заброшенные котлованы этих жилищ интенсивно использовались соседними жителями для свалки мусора в период активной жизни поселения. Этот период вероятнее всего связан с существованием жилища 4, котлован которого, судя по небольшому количеству находок в заполнении и их равномерному распределению на прилегающей площади, заплывал грунтом уже естественным образом. Период активной жизни поселения проявляется в материалах жилища 2. Через некоторое время после того, как жилище было оставлено жителями, его печь была разобрана. Крупный камень был выбран для сооружения печи в другом жилище, тогда как небольшое количество мелкого камня было оставлено на прежнем месте. Возможно, эти действия как раз были связаны с сооружением жилища 4 или одного из жилищ, предположительно находящихся на нераскопанном участке в охранной зоне нефтепровода. Кроме того, с разрушением печи жилища 2, вероятно, связана каменная вымостка, перекрывающая яму 14 в северо-восточной части раскопа.

Таким образом, среди исследованных жилищ поселения «Полное» выделяются две хронологические группы. К ранней относятся жилища 2 и 3, к поздней – 1 и 5, жилище 4 занимает промежуточное положение. На раннем этапе возникают жилища 2 и 3 в центральной части поселения. Немногим позднее между ними, возможно, уже после прекращения функционирования жилища 2, строится жилище 4. С этим жилищем связано начало наиболее активного периода в жизни поселения. На этом этапе территория поселения расширяется, возникают жилища 1 и 5, которые просуществовали уже до самого конца жизни поселения, тогда как жилище 4 было заброшено несколько ранее.

Отмеченная выше система рядов в планировке соблюдалась на всем протяжении существования поселения. Однако на позднем этапе наблюдаются некоторые изменения в системе застройки. Отдельный участок для сооружения зерновых ям (10–12, 14–15, 17–19) на восточной окраине поселения теряет свое первоначальное значение, вблизи него строится жилище 5, а яма 14 перекрывается каменной вымосткой. Зерновые ямы несколько больших размеров теперь сооружаются непосредственно рядом с каждым жилищем и составляют с ним единый усадебный комплекс. Так, в 1 м к востоку от жилища 4 располагалась яма 9. И в жилище и в яме были найдены фрагменты одной и той же амфоры. В яме 9 они лежали непосредственно на дне, а в жилище 4 – в нижней придон-

ной части заполнения. С ямой 9, вероятно, связано расположенное в 1,5 м к северу от нее компактное скопление камней, являющееся остатками забутовки ямки столбовой опоры навеса. Единый комплекс с жилищем 1 составляла расположенная в 6 м к северо-востоку от него яма 4, в заполнении которой содержались мелкие горелые камни, попавшие туда при разборке завала погибшего в пожаре жилища 1. К этому же комплексу относилась и небольшая яма 5. С жилищем 5, вероятно, была связана расположенная в 1,5 м к западу от него яма 17. Веских данных для трактовки принадлежности остальных выявленных ям (1–3, 6, 8 и 16) мы не имеем. Поэтому лишь предположительно на основании их месторасположения можно отнести яму 6 к жилищу 2, ямы 1–3 к усадьбе жилища 1, а ямы 8 и 16 – к усадьбе жилища 4.

Определенный интерес вызывают небольшие колоколовидные ямы 13 и 20. Обе они с севера частично прорезали дном стенки более крупных ям 17 и 19. Место сопряжения каждой пары ям закрывалось камнем. При достаточном количестве свободного пространства такое расположение этих ям кажется неслучайным. Возможно, в них хранилось заранее отобранное посевное зерно, тогда как в расположенных рядом крупных ямах – зерно для потребления.

Выявленные тенденции в развитии планировочной структуры поселения «Полное» отражают некоторые моменты социального развития общины. На раннем этапе, судя по наличию площадки общего пользования, где сосредотачивались ямы-зернохранилища, хозяйство носило совместный характер, а население, возможно, имело тесные родственные связи. Такая картина отмечается на ряде раннеславянских памятников, в частности на поселениях культуры типа Луки Райковецкой [14]. Появление индивидуальных зерновых ям рядом с жилищами позднего этапа отражает процесс хозяйственного обособления отдельных семей [15]. Это обособление, учитывая непродолжительное время существования поселения, вряд ли могло быть следствием внутреннего развития достаточно изолированной и немногочисленной общины. Скорее всего, этот процесс был вызван притоком новой группы славянского населения, нежели естественным разрастанием первоначальной общины.

Структура жилища

Все исследованные на поселении «Полное» жилища однотипны. Они представлены полуземлянками, углубленными на 0,7–1 м от древней дневной поверхности. Жилища 1 и 3 ориентированы углами по сторонам света, жилища 2, 4 и 5 – стенами по сторонам света (Рис. 3).

Котлованы жилищ прямоугольной со скругленными углами формы, с небольшой разницей в длине между короткими и длинными стенами, площадью от 11 до 16 м². В полу жилищ 2, 3, 4 и 5 у середины коротких стен, вплотную к ним находилось по одной столбовой ямке. В полу жилища 1 столбовых ям прослежено не было. В одном из углов каждого жилища, вплотную к стенам котлована, располагалась сложенная насухо печь-каменка.

Обращает на себя внимание устойчивость прямоугольной формы котлована, которая по нашему мнению возникла не случайно в результате несовершенства строительной техники, а была задана преднамеренно. Ведь технически не составляет особого труда выдержать одинаковую длину стен, характерную для квадрата. Кроме того, во всех прослеженных случаях положение столбовых ям четко зависело от длинны стен – они располагались только под короткими стенами.

В указанных ямках устанавливались опорные столбы, поддерживавшие матицу крыши, которая располагалась параллельно длинной оси жилища, а сами столбы, таким образом, оказываются никак не связанными с конструкцией стен. Отсутствие дополнительных столбовых ямок по периметру котлована исключает каркасно-столбовую конструкцию. Внутренняя срубная конструкция, широко известная в жилищах боршевской культуры [16], оказывается так-

[14] См. напр.: *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой обл. // КСИА, Вып. 179, 1984, С.20; *Козак Д.Н., Мегей В.Ф.* Слов'янське поселення Велика Слобода-1 на Середньому Дністрі. // Археологія, №59, 1987, С.65; *Тельнов Н.П., Рабинович Р.А.* Результаты работ на поселении Скок. // Археологические исследования в Молдавии в 1985 г. Кишинев, 1990, Рис. 1 на с. 195.

[15] *Петрашенко В.А.* Городище Монастырек VIII–X вв. в свете новых исследований. // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985, С.82; *Куза А.В.* Большое городище у с. Горналь. // Древнерусские города. М., 1981, С.28.

[16] *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Древнерусские поселения на Дону. // МИА, №8, М.-Л., 1948, С.10; *Москаленко А.Н.* Славяне на Дону. Воронеж, 1981, С.80; *Ковалевский В.Н.* Славянские срубные жилища VIII – первой половины XI вв. с тер-

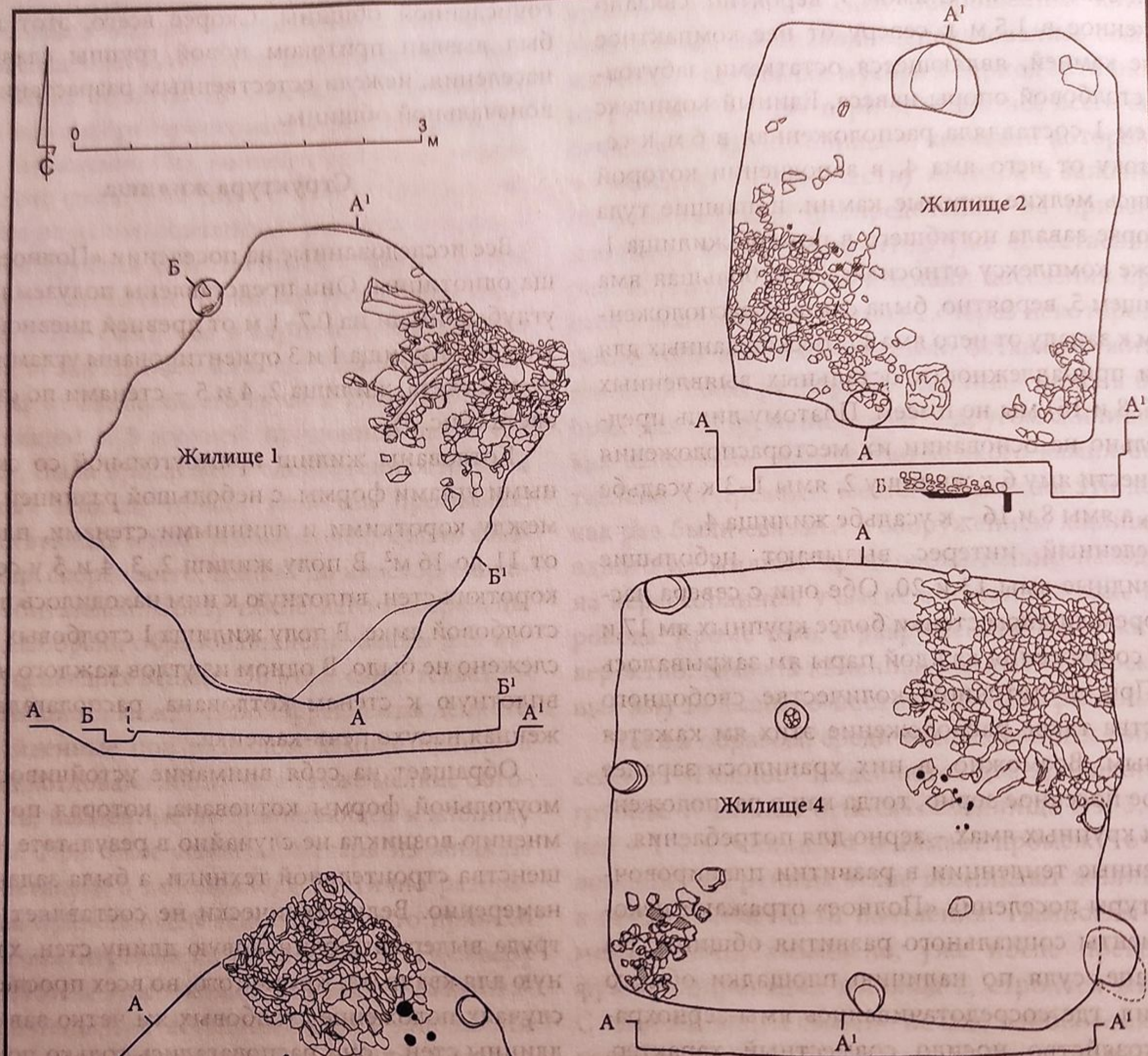

Рис. 3. Поселение Полное. Планы котлованов жилищ.

же невозможной из-за того, что печи располагались вплотную к стенам котлована, не оставляя в углу свободного пространства для размещения венцов сруба и смыкания торцов [17]. Кроме того, опорные столбы кровли располагались также вплотную к стенам котлована, что исключало любой способ облицовки земляных стен, в том числе и деревянными плахами, торцами подпирающими друг друга [18].

Не имея никаких данных, позволяющих реконструировать наземную часть стен жилищ, следует признать, что их конструкция не зависела от устройства котлована. Заметная кривизна стен и неровность углов котлованов всех исследованных жилищ подтверждают этот вывод.

При таком положении возможны четыре основных варианта реконструкции наземных стен жилища. Первый – стены как таковые отсутствовали, их функцию выполняла дву- или трехскатная покрытая дерном крыша, нижним краем опиравшаяся непосредственно на грунт [19]. Второй – плетень, установленный с отступом от стен котлована [20]. Третий – каркасно-столбовая конструкция, вынесенная за пределы котлована [21]. И, наконец, четвертый – сруб, сложенный также за пределами котлована [22].

Функциональная несостоятельность первого варианта реконструкции при слабо углубленном котловане вполне очевидна. Плетневая конструкция стен неизбежно должна оставить после себя значительное количество глиняной обмазки, которая на Полном как в слое, так и в заполнении жилищ почти отсутствует. Применение выносной каркасно-столбовой конструкции кажется маловероятным, поскольку в этом случае имеющиеся в котлованах жилищ дополнительные опорные столбы, поддерживающие матицу крыши, становятся ненужными. Таким образом, методом исключения мы приходим к срубной конструкции, которая по многочисленным материалам роменских жилищ признается единственно возможным способом возведения стен выше котлована [23]. Этому выводу применительно к поселению «Полное», казалось бы, противоречит тот факт, что здесь никаких древесных остатков прослежено не было. Однако, столбовой характер парных ям под стенами жилищ не вызывает возражений, хотя в них не содержалось даже древесного тлена. Кроме того, отмеченные выше факты разборки заброшенных жилищ допускают, что при этом могли быть разобраны и стены сруба. Полное отсутствие столбовых ям в жилище 1 также указывает на срубную конструкцию стен.

Такой «выносной» сруб, как отмечается исследователями, мог устанавливаться как непосредственно у границ котлована, так и с некоторым отступом от него [24]. Планиграфия находок вокруг жилища 3 поселения «Полное» определяет местоположение сруба у края котлована. По высокой насыщенности культурными остатками контуры котлована этого жилища довольно точно угадывались со второго штыка, соответствующего уровню древней дневной поверхности. При этом непосредственно от границ котлована вдоль его северо-западной и частично юго-западной стены отчетливо проступала стерильная полоса шириной до 0,7 м, лишенная находок. Далее к северо-западу плотность находок вновь возрастала (Рис. 4, *1–2*). Следовательно, на этом участке, на уровне древней дневной поверхности мы имеем некий барьер, препятствующий равномерному распределению находок. Таким барьером являлась внешняя обваловка нижних венцов сруба, формирующая известную завалинку.

ритории Днепро-Донского междуречья. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005; *Винников А.З., Синюк А.Т., Цыбин М.В.* Среневековые материалы с поселения «Дрониха». // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995, С.130.

17 *Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище (VI–XIII вв. н.э.). // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, С.119.

18 *Енукова О.Н.* К вопросу о методике реконструкции славяно-русского жилища. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Курск, 2005, С.76.

19 *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. // МИА, №74, М.-Л., 1958, С.199.

20 *Борисевич Г.В.* Рец. На свод Расппопорта П.А. Древнерусское жилище. // СА, №4, 1978, С.285, 287.

21 *Енукова О.Н.* Указ. соч., С.74.

22 *Борисевич Г.В.* Указ. соч. С.284; 28. *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000, С.88.

23 *Григорьев А.В.*, Указ. соч., С. 87.

24 *Енукова О.Н.* Указ. соч., С. 74-75, рис. 1-2.

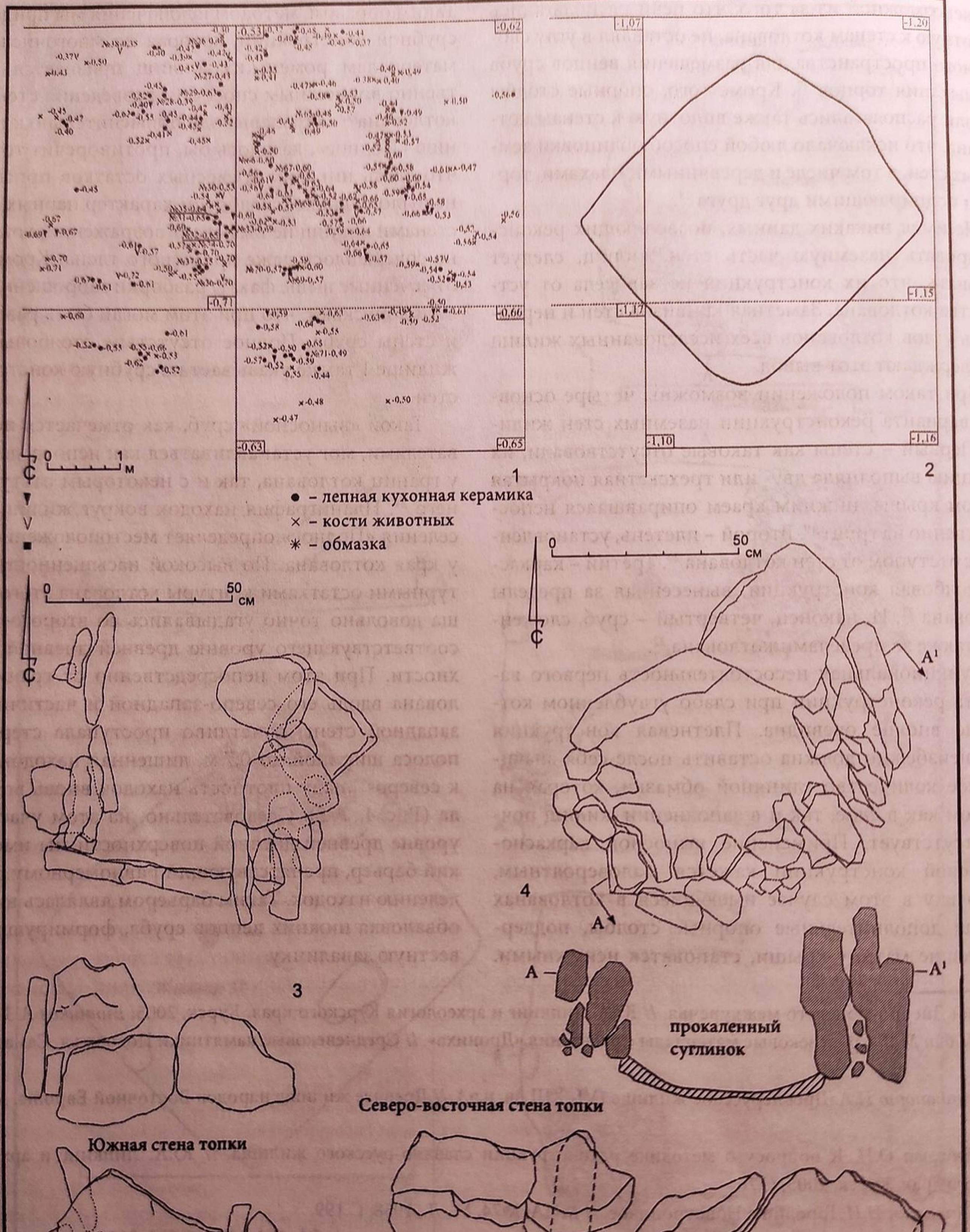

Рис. 4. Поселение «Полное»: 1 – план участка раскопа II над жилищем 3 на уровне штыка 2; 2 – план этого же участка на уровне материка с контуром котлована жилища3; 3 – топка печи жилища 5; 4 – топка печи жилища 3.

Отмеченное выше отсутствие связи между конструкцией стен жилища и его котлованом ставит вопрос о назначении самого котлована. С одной стороны, он позволял экономить строительный материал при возведении наземной части стен. Но, с другой стороны, если бы такая экономия имела решающее значение, то степень заглубленности котлованов была бы более высокой. В решении поставленного вопроса, как в старой поговорке, следует плясать от печки. На Полном углубленная в грунт часть жилища, на наш взгляд, была необходима именно для возведения печи. Степень заглубленности котлована при наличии «выносных» стен определялась не столько потребностями полезного пространства в высоте жилища, сколько высотой печи. Топки печей-каменок поселения «Полное» на всю высоту печи обкладывались с двух сторон мелкими камнями, для фиксации которых была необходима вертикальная опора, в качестве которой и выступали земляные стены в углу котлована. То, что минимальная глубина котлована определялась высотой печи совершенно очевидно и на примере печей в материковых останцах роменской культуры. Оба эти типа печей (каменки и в материковом останце) являются наиболее ранними на славянских памятниках. В более позднее время появляется новый, более совершенный, тип отопительного сооружения, возведение которого уже не зависело от грунта – глинобитная печь. Этот процесс сопровождается развитием наземного, а не полуземляночного домостроительства [25]. Причинно-следственные связи этих двух явлений не определены, но само совпадение процессов довольно показательно и, на наш взгляд, является дополнительным подтверждением того, что наличие или отсутствие котлована в жилище не в последнюю очередь было обусловлено конструктивными особенностями печей.

Печи в жилищах поселения «Полное», как уже отмечалось выше, сооружались из камня без связующего раствора, вплотную к одному из углов котлована. Топка печи имела П-образную форму размерами 0,7×0,5 м и была сложена из нескольких вертикально стоящих плит песчаника (Рис. 4, *3–4*), пазухи между которыми заполнялись более мелким камнем. Под печи овальной формы, немного углублен относительно пола жилища. Перекрытие топки печей не сохранилось. Оно, очевидно, было также сложено из камня, который позднее обрушился внутрь топки. Пространство между топкой печи и углом котлована на всю высоту печи очень плотно забутовывалось камнем, что повышало теплоотдачу и способствовало лучшему обогреву помещения. Непосредственно на пол укладывался камень средних размеров, в верхней же части забутовку составляли мелкие камни. В итоге печь целиком имела кубовидные очертания размерами 1,2×1,3 м при высоте около 0,7 м. В конструкции печи перед ее устьем имелись какие-то деревянные элементы, от которых до нас сохранились округлые столбовые ямки небольшого диаметра.

Об интерьере наземной части жилища мы не имеем никаких данных, имеющиеся материалы касаются только его углубленной части. Вход зафиксирован только в жилище 5. Он располагался у середины северной стены котлована и представлял собой три сильно оплывших материковых ступеньки, последовательно ко дну увеличивающиеся в размерах. В жилищах 1 и 2 на полу под стенами зафиксированы крупные отдельно лежащие камни, в которых можно видеть опоры (ножки) не сохранившихся деревянных лавок. По материалам жилищ 2 и 4 в качестве опоры таких лавок могли выступать сложенные в кучку в одном из углов котлована камни. В жилище 4 эти камни были сложены с применением глины, а противоположный конец лавки здесь мог опираться на деревянный столбик, вкопанный у середины южной стены. Столбовая ямка у юго-восточного угла печи жилища 5 также может являться остатками опоры лавки, либо установленный в ней столб служил дополнительной опорой каменной забутовке печи. В полу жилищ 1, 3 и 4 непосредственно в углу, или чуть отступя от него, находились небольшие округлые или овальные ямки-подбои, служившие для хранения мелкого бытового инструмента. В жилищах 1 и 3 в таких ямках были найдены два каменных оселка и одна заготовка под оселок. В полу, в центральной части жилищ 3 и 4 были прослежены небольшие округлые ямки с более мелкими углублениями на дне неясного назначения. В полу жилища 3, кроме того, была выкопана неглубокая корытообразная яма.

Приведенные материалы позволяют реконструировать облик жилища поселения «Полное» следующим образом. Углубленную часть жилища составлял котлован площадью 11–16 м² и глубиной 0,7–1,0 м от древней дневной поверхности. Его глубина определялась высотой печи-каменки, а размеры – необхо-

[25] *Раппопорт П.А.* Указ. соч., С. 152.

димой полезной площадью для связанных с ней хозяйственно-бытовых процессов. Как показано выше, конструкция котлованов жилищ поселения «Полное» не предполагает какой-либо облицовки их земляных стен. Вероятно их просто обмазывали глиной, о чем свидетельствуют отдельные комки глины в заполнении под стенами котлованов некоторых жилищ. Стены самого жилища составлял деревянный сруб, установленный у края котлована. Нижние венцы сруба присыпались землей. Конструкция крыши определялась двумя опорными столбами, установленными вплотную у середины коротких стен котлована и поддерживавших матицу крыши, которая, таким образом, располагалась вдоль длинной оси жилища. Крыша, скорее всего, была четырехскатной. Каких-либо сведений о материале кровли раскопки не дали. С равной степенью вероятности это мог быть деревянный тес, камыш или солома.